S 6/803

А 182/487

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

въ

S 6/803

РОССІИ.

Публичная лекція, читанная въ Ярославлѣ 29 марта 1881 года.

Андрея Исаева.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Печатня Губернскаго Правленія.
1881.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея 20 апрѣля 1881.

Директоръ М. Капустинъ.

2007042025

S 6/803

Милостивыя Государыни!

Милостивые Государи!

Александръ II вступилъ на престолъ 18 февраля 1855 г. и вступилъ при тяжкихъ условіяхъ. Уже болѣе года свирѣпствовала война на южной окраинѣ. Ни геройство нашихъ войскъ, ни настойчивое веденіе войны правительствомъ не могли одолѣть преобладающую силу союзниковъ. Негодное оружіе, негодные пути сообщенія, повальныя болѣзни въ войскахъ, недостатокъ врачебной помощи—все давало верхъ нашимъ врагамъ. Финансы были истощены; бумажный рубль, стоявшій до войны al pari со звонкою монетой, обезцѣнивался; торговля была парализована. Закрѣпощенная масса населенія, служа для незначительнаго меньшинства источникомъ жизненнаго благополучія, не могла дать государству силу, для побѣды надъ внѣшнимъ вра-

гомъ и улучшенія внутренняго быта. Унизительный для Россіи Парижскій трактатъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ негодности общественнаго строя. Наше отечество было исполиномъ, но исполиномъ на глиняныхъ ногахъ.

Что было дѣлать? Можно было, не сходя съ проторенной дороги управленія, обратиться къ частичнымъ мѣропріятіямъ, чтобы не исцѣлить, а замазать наши язвы, сдѣлать ихъ менѣе замѣтными для сторонняго глаза. Такой образъ дѣйствій, будничный, мелочной, наиболѣе по плечу среднему человѣку и дюжинному правителю: такой образъ дѣйствій не волнуетъ умовъ, не нарушаетъ крупныхъ интересовъ какого-либо класса, не вызываетъ ропота; если онъ и не устраняетъ зла, созданнаго вѣками, угнетающаго многіе милліоны гражданъ, то всемогущая сила привычки заставляетъ и эти милліоны мириться съ господствующими порядками.

Большинство правителей предпочли бы такой образъ дѣйствій: если бы многіе изъ нихъ и сознавали недостаточность однихъ частичныхъ мѣропріятій, то не рѣшились бы, по отсутствію

твердой воли, нежеланію вызвать недовольство какого-либо слоя населенія, ступить на путь коренныхъ преобразованій.

Не таковъ былъ Александръ II. Его великій умъ ясно понималъ негодность внутренняго быта Россіи; Его твердая воля хотѣла измѣнить этотъ бытъ въ самомъ основаніи; Онъ видѣлъ, что первымъ и самымъ важнымъ шагомъ въ дѣлѣ преобразованій было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Будущій историкъ почившаго Царя раскроетъ передъ нами всю его душу, прослѣдитъ тотъ процессъ, которымъ въ этой душѣ зародилась, развивалась и крѣпла мысль объ освобожденіи крестьянъ. У насъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы изобразить всѣ послѣдовательныя ступени этого процесса, а потому, держась фактовъ, мы можемъ начертать только тѣ моменты его, которые уже стали достояніемъ исторіи.

Первый шагъ правительства на пути великой реформы былъ знаменитый рескриптъ Александра II отъ 20 ноября 1857 г. виленскому военному, ко-

венскому и гродненскому генералъ-губернатору Назимову. Дворянство этихъ трехъ губерній нашло необходимымъ, для улучшенія быта крестьянъ, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости, сохранивъ неприкосновенными права помѣщиковъ на землю. Отвѣтомъ на всеподданнѣйшее объ этомъ прошеніе Назимова былъ высочайшій рескриптъ. „Одобряю намѣреніе дворянства виленской, ковенской и гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія Моимъ видамъ и желаніямъ“, говоритъ въ рескриптѣ Императоръ. Въ рескриптѣ было указано на организацію работъ дворянства для осуществленія плана и начертаны тѣ начала, которыя должны были служить руководствомъ при улучшеніи быта крестьянъ. Предварительныя работы по губерніямъ были сосредоточены въ трехъ губернскихъ комитетахъ; общая коммиссія въ Вильнѣ должна была дѣлать сводъ изъ трудовъ комитетовъ. Основанія для улучшенія быта крестьянъ были выражены въ 3 пунктахъ: сохраненіе помѣщиками права собственности на всю землю съ правомъ для крестьянъ выкупить усадеб-

ную осѣдлость и получить въ пользованіе за оброкъ или барщину опредѣленное количество другихъ угодій; 2-раздѣленіе крестьянъ на сельскія общества съ удержаніемъ помѣщиками вотчинной полиціи и 3) обезпеченіе, при упорядоченіи отношеній между помѣщиками и крестьянами, исправнаго отбыванія послѣдними государственныхъ и земскихъ повинностей. Съ тою же цѣлью были учреждены въ теченіе 1857 и 8 гг. комитеты во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ, а 8 января 1858 г. былъ открытъ въ С.-Петербургѣ Главный комитетъ. Губернскіе комитеты состояли изъ дворянъ, выбранныхъ по одному или по два отъ каждаго уѣзда. Предсѣдателемъ Главнаго комитета былъ самъ Государь Императоръ, а членами—12 важнѣйшихъ сановниковъ Имперіи. При Главномъ комитетѣ была учреждена Особая коммиссія изъ членовъ Главнаго комитета. Въ губернскихъ комитетахъ вырабатывались на основаніи начертанной правительствомъ программы проекты положенія о крестьянахъ. Эти проекты поступали въ коммиссію, состоявшую

при Главномъ комитетѣ, разсматривались ею и передавались, по приведеніи ихъ въ порядокъ, въ Главный комитетъ. Для того, чтобы рѣшить поставленную задачу на возможно болѣе широкихъ основаніяхъ, Государь старался совмѣстить всѣ условія для освѣщенія быта крестьянъ и указанія на тѣ измѣненія, которыхъ требовалъ этотъ бытъ. Въ этихъ видахъ было предоставлено Особой коммиссіи приглашать въ ея засѣданія членовъ губернскихъ комитетовъ и требовать отъ нихъ всѣхъ нужныхъ разъясненій; министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями было вмѣнено въ обязанность представлять въ Главный комитетъ всѣ возникавшіе въ ихъ вѣдомствахъ вопросы относительно помѣщичьихъ крестьянъ; дворянамъ, состоявшимъ на государственной службѣ, было дано право на отпускъ до 2 мѣсяцевъ для участія въ собраніяхъ дворянъ, обсуждавшихъ предположенія относительно улучшенія быта крестьянъ, и для выбора членовъ въ комитеты. Правительство хотѣло устранить канцелярскій порядокъ отъ всего веденія дѣла, а потому

и было предписано, чтобы каждый губернскій комитетъ прислалъ въ С.-Петербургъ двухъ членовъ для личнаго объясненія правительству выработанныхъ комитетами проектовъ. Такъ какъ во многихъ комитетахъ не было единогласія и было выработано два проекта—одинъ—большинствомъ, а другой—меньшинствомъ, то, желая имѣть личныя разъясненія по проектамъ обоихъ направленій, оно требовало, чтобы одинъ присланный комитетомъ членъ былъ представителемъ большинства, а другой—меньшинства.

Работы шли въ комитетахъ; одни проекты уже были доставлены въ С.-Петербургъ, составленіе другихъ близилось къ окончанію. Этотъ громадный матеріалъ, сводъ самыхъ разнообразныхъ мнѣній, долженъ былъ, для удобнаго разсмотрѣнія его въ Главномъ комитетѣ, получить предварительную обработку. Съ этой цѣлью были составлены двѣ Редакціонныя коммиссіи, которыя должны были изложить въ систематическомъ порядкѣ мнѣнія губернскихъ комитетовъ. Одна Редакціонная коммиссія должна была составить сводъ

общихъ положеній, годныхъ для всей Имперіи, другія—положеній мѣстныхъ, соотвѣтствующихъ особенностямъ отдѣльныхъ мѣстностей. Въ составъ коммиссій вошли представители отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Въ Редакціонную коммиссію, составлявшую сводъ мѣстныхъ положеній вошли, сверхъ представителей отъ названныхъ министерствъ, также эксперты, помѣщики разныхъ губерній, въ числѣ 20. Нѣсколько позднѣе была учреждена Финансовая коммиссія. Она должна была разсмотрѣть финансовыя мѣры, необходимыя для облегченія крестьянамъ выкупа земельныхъ угодій. Среди членовъ коммиссій мы встрѣчаемъ людей, которые были наилучшими сподвижниками Императора въ крестьянской реформѣ, Ростовцева, Милютина и другихъ; здѣсь же встрѣчаемъ и многихъ извѣстныхъ представителей юридической и экономической науки.

Въ общія скромныя положенія, которыя были высказаны въ высочай-

шемъ рескриптѣ Назимову, замѣняются вскорѣ гораздо болѣе широкими. Еще 18 октября 1858 года намѣренія правительства высказываются въ слѣдующихъ трехъ, ничего ясно не выражающихъ требованіяхъ: 1) крестьянинъ долженъ, по окончаніи законодательныхъ работъ, немедленно почувствовать, что бытъ его улучшился; 2) помѣщикъ долженъ успокоиться, что интересы его ограждены; 3) сильная власть не должна поколебаться и порядокъ не долженъ нарушиться. Эти 3 условія, которыя вмѣнено было имѣть въ виду губернскимъ комитетамъ при ихъ работахъ, могли получить самое разнообразное толкованіе. Кто не желалъ освобожденія крестьянъ, тотъ могъ признавать центромъ тяжести 2-й пунктъ, указывающій на необходимость огражденія интересовъ помѣщика, могъ думать, что, храня помѣщичьи интересы, правительство не поставило себѣ цѣлью отмѣны крѣпостнаго права. Широта и неопредѣленность этихъ трехъ руководящихъ началъ позволяли давать имъ различное толкованіе, позволяли думать, что правительство не идетъ далѣе точ-

наго регулированія обязанностей крѣпостныхъ относительно помѣщиковъ. Но неопредѣленность длилась немного мѣсяцевъ. 5 марта 1859 г. предсѣдатель коммиссій Ростовцевъ предложилъ имъ на обсужденіе нѣсколько мыслей, которыя, какъ *основныя*, не безполезно было принять къ соображенію. Эти основныя мысли Ростовцева, устами котораго говорилъ самъ Императоръ, сводились къ слѣдующему. 1) Вопросъ о прекращеніи крѣпостнаго состоянія долженъ быть рѣшенъ мирно и со строгой справедливостью для обѣихъ сторонъ—дворянъ и крестьянъ. 2) Одновременно съ личнымъ освобожденіемъ, крестьяне должны получить возможность пріобрѣтать отъ помѣщиковъ землю по добровольному съ ними соглашенію. 3) Въ составъ выкупаемыхъ земель должны входить, какъ усадебныя, такъ полевыя и другія угодья. 4) Продолженіе обязательныхъ барщинныхъ повинностей, хотя и срочное, будетъ для крестьянъ тягостно, а потому нужно не только строго упорядочить ихъ, но и стараться о скорѣйшемъ ихъ прекращеніи. 5) Правитель-

ство обѣщаетъ посредничество крестьянамъ при выкупѣ ими земли у помѣщиковъ. 6) Вопросъ объ общинномъ или личномъ владѣніи крестьянъ выкупленными землями долженъ быть рѣшенъ согласно съ мѣстными особенностями; онъ долженъ быть предоставленъ своему естественному теченію; принужденіе въ этомъ дѣлѣ со стороны правительства не должно имѣть мѣсто. Державный Преобразователь ясно высказалъ въ этихъ положеніяхъ глубокое пониманіе интересовъ страны. Сдѣлать крѣпостнаго свободнымъ, надѣлить его землей, дать ему полное право установлять къ этой землѣ такія отношенія, какія кажутся ему наиболѣе цѣлесообразными,—вотъ былъ начертанный Ростовцевымъ планъ Государя. Члены коммиссій, выслушавъ предложенія, приняли ихъ единогласно. Но это единогласіе не служило для правительства ручательствомъ, что ни съ чьей стороны не будетъ противодѣйствія при осуществленіи плана: можно согласиться съ общимъ положеніемъ и возражать на него, когда оно развивается въ частностяхъ. Эти частно-

сти можно принять съ такими ограниченіями, что отъ общихъ началъ останется только буква. Возраженій можно было ожидать и изъ среды коммиссій. Но предстоялъ призывъ въ Петербургъ дворянъ изъ разныхъ мѣстностей, призывъ дворянъ, а съ ними и мнѣній, быть можетъ, рѣзко отличныхъ отъ взглядовъ правительства на начатое дѣло. Въ концѣ августа 1859 г. въ С.-Петербургъ съѣхались 44 члена отъ губернскихъ комитетовъ для личнаго объясненія представленныхъ проектовъ. Эти члены были названы членами перваго приглашенія. Позднѣе были вызваны 37 членовъ втораго приглашенія.

Когда читаешь длинный списокъ именъ членовъ, присланныхъ губернскими комитетами, то невольно является сомнѣніе, чтобы крестьянская реформа была построена на широкихъ основаніяхъ, проникнута началами мудрой политики, преслѣдующей только общее благо. Въ этомъ спискѣ мелькаютъ громкія титулованныя имена; если рядомъ съ ними есть люди и не родовитые, то все же представители интере-

совъ крупнаго землевладѣнія. Не естественно ли думать, что такая среда, пекшаяся о своихъ правахъ, освященныхъ временемъ, преданіями, была способна служить только тормазомъ намѣреніямъ правительства? И это предположеніе было оправдано многими фактами.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не вызвало спора. Дворянство всѣхъ губерній высказалось за отмѣну права помѣщика на личность поселянина. Передъ дворянствомъ стоялъ блестящій примѣръ западной Европы, сдѣлавшей, по отмѣнѣ крѣпостнаго права, крупные успѣхи въ области сельскаго хозяйства, примѣръ быстраго роста поземельной ренты и обильныхъ доходовъ землевладѣльца съ помощью вольнонаемнаго труда. Въ этой отмѣнѣ не видѣло ничего страшнаго для себя и большинство русскихъ помѣщиковъ. Разногласія въ средѣ призванныхъ членовъ не могло быть и относительно тѣхъ правъ, которыя естественно вытекали изъ личной свободы поселянина: каковы будутъ личныя, семейственныя и обязательственныя права освобожденныхъ крестьянъ—все это

могло быть для помѣщиковъ безразличнымъ. Весь центръ тяжести реформы лежалъ въ установленіи отношеній лично свободнаго крестьянина къ землѣ, которою онъ пользовался, какъ крѣпостной. Дать поселянину личную свободу безъ признанія за нимъ права на землю значило поставить помѣщика въ лучшія условія, а крестьянина въ худшія, чѣмъ до отмѣны крѣпостнаго права. Пустить 20 милліоновъ на всѣ четыре стороны безъ земли значило снять съ помѣщика тѣ обязанности, которыя лежали на немъ раньше и поставить его лицомъ къ лицу съ сельскимъ вольнонаемнымъ рабочимъ, рабочимъ безземельнымъ, который, заключая „свободный“ договоръ съ землевладѣльцемъ, долженъ былъ бы, въ силу своей необезпеченности, принять все, что нанимателю будетъ угодно ему дать, значило создать множество дешевыхъ рабочихъ рукъ въ сельско-хозяйственной промышленности. Дворянство понимало это, и вопросъ о правѣ собственности помѣщиковъ на землю сдѣлался предметомъ страстныхъ обсужденій въ засѣданіяхъ Редакціонныхъ коммиссій.

Большая часть членовъ, приглашенныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, истощали свое краснорѣчіе, доказывая, что помѣщики должны сохранить право полной собственности на земли. Было бы безцѣльно перечислять всѣ мнѣнія, которыя приводились въ защиту этого права помѣщика. Но для характеристики стремленій большинствапе лишено интереса послушать полную софизмовъ рѣчь кн. Гагарина. Дворянство, говорилъ князь, доказало свое безкорыстіе, свою готовность служить благу страны единогласнымъ отказомъ отъ права на личность крѣпостнаго. Пока высшая власть требовала только этого, до тѣхъ поръ она дѣйствовала во имя добра и справедливости. Отказъ дворянства отъ права на личность крестьянина не есть дѣло закона: онъ вытекаетъ изъ согласія того сословія, въ интересахъ котораго лежитъ охраненіе этого права. Но согласіе дворянъ не идетъ дальше этого: дворяне требуютъ признанія за собой исключительнаго права собственности на землю; законъ извстари охраняетъ это право, а потому онъ не долженъ, вопреки согласію всѣхъ, прини-

мать на себя инициативу его упразднения. Редакціонныя коммиссіи хотятъ отмѣнить это право, а законъ охраняетъ его. Неужели коммиссіи стоятъ выше закона? Изъ такихъ безсодержательныхъ софизмовъ состояла вся рѣчь кн. Гагарина. „Спозиціи помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ—вотъ чего требуютъ Редакціонныя коммиссіи"!—восклицаетъ князь. Заключеніе рѣчи вполнѣ соотвѣтствуетъ духу крайне либеральнаго направленія экономической науки. „Нѣкогда государство, въ видахъ болѣе прочнаго для себя устройства, создало законъ, которымъ установило такъ называемое крѣпостное право, то есть: сполiировало въ свою пользу право гражданской свободы народа. Теперь.... оно сполiируетъ право собственности землевладѣльцевъ, и уже не въ пользу свою, а въ пользу частную.... И такъ, если..... государство нѣкогда признало необходимость закона, которымъ одно сословіе народа лишилось правъ личности и гражданской свободы..... то, когда нынѣ оно признало, что необходимость въ томъ миновалась,— оно можетъ прекратить си-

лу и дѣйствіе того закона, согласно заявленному на то общему согласію.... Но право собственности не можетъ и не должно быть при томъ потрясаемо: оно есть высшее право; оно не создано государствомъ, а предшествовало ему; оно есть родовое начало въ жизни народа; государство и законъ, призванные къ его охраненію, не могутъ располагать добромъ, имъ ввѣреннымъ". Отмѣна этого права, по предсказанію князя, должна повлечь за собой всеобщія смуты и лишить власть ея жизненной силы.

Редакціонныя коммиссіи спокойно выслушивали всѣ эти витіеватыя фразы и держались плана, начертаннаго державной волей. Сознаніе правительства о необходимости надѣлить освобожденныхъ крестьянъ землей было такъ глубоко, что всѣ усилія противниковъ оказались тщетными. Когда краснорѣчіе было истощено, когда всѣмъ стала понятна твердость намѣренія правительства, стрѣлы крѣпостниковъ направились на возможное урѣзаніе крестьянскаго надѣла. Большинство стояло за то, чтобы отвести крестьянамъ

въ надѣлъ меньшую площадь земли, чѣмъ та, которой они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Одни мотивировали свое предложеніе невозможностью для помѣщика вести хозяйство при надѣленіи крестьянъ большими участками; другіе, прикрывая эти побужденія, выставляли на показъ свои доброжелательныя чувства: будетъ у крестьянъ много земли, говорили они, и исчезнутъ всѣ мотивы къ усовершенствованію хозяйства; у крестьянина мало капитала; дать ему много земли значитъ заставить его разбрасывать капиталъ по слишкомъ большой площади и собирать только скудные урожаи. Иные приводили факты значительнаго благосостоянія крестьянъ при маломъ земельномъ надѣлѣ и т. д.

Много было преградъ для справедливаго, согласнаго съ выгодами страны рѣшенія крестьянскаго вопроса. Монархъ, твердо стоявшій за исполненіе своего плана во всей чистотѣ, долженъ былъ обладать рѣдкой проницательностью ума, чтобы не соблазниться условіями землевладѣнія въ западной Европѣ, не взять ея земельнаго

строя за образецъ и не свести всего дѣла преобразованія на дарованіе крестьянамъ одной личной свободы. Но, кромѣ прозорливости ума, этотъ монархъ долженъ былъ обладать и необычайной силой воли: дворянство, высшее сословіе, опора престола, дворянство, лелѣянное всѣми правителями изъ дома Романовыхъ, высказывалось въ большинствѣ своихъ представителей противъ намѣреній Царя; было отъ чего поколебаться и царской волѣ! Но Александръ II не измѣнилъ себѣ: не взирая на противодѣйствіе дворянъ, онъ, съ помощью вѣрныхъ сподвижниковъ изъ людей служилыхъ, довелъ дѣло до конца. Законъ 19 февраля 1861 г. былъ дѣломъ не дворянства, а монарха при содѣйствіи чиновниковъ. Послѣдніе, а не дворяне, стояли на высотѣ задачи, намѣченной Царемъ.

Законодательный актъ 19 февраля распадается на 3 отдѣла. Одинъ обнимаетъ юридическую сторону преобразованія, содержитъ перечисленіе тѣхъ личныхъ правъ, которыя получили освобожденные крестьяне. Другой—хозяйственную, касается отношеній кре-

стьянъ къ землѣ и помѣщикамъ, и третій—административную: онъ установляетъ самоуправленіе въ средѣ освобожденныхъ поселянъ.

Дарованіе личной свободы естественно повело за собой пріобрѣтеніе крестьянами правъ личныхъ, семейственныхъ и имущественныхъ. Разрѣшеніе помѣщика на вступленіе крестьянина въ бракъ отмѣнено; отмѣнено также и всякое вмѣшательство помѣщика въ семейственныя отношенія крестьянъ. Крестьяне имѣютъ право, какъ порознь, такъ и цѣлыми обществами, заключать съ частными лицами и казною договоры, вступать въ обязательства и брать подряды; они могутъ свободно заниматься торговлей, устроивать фабрики и другія промышленныя заведенія. Они имѣютъ права иска, жалобы и суда. Они могутъ быть наказываемы не иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними властей. Изъ рукъ помѣщика изъемлется всякая юрисдикція; только по соглашенію спорящихъ сторонъ помѣщикъ можетъ быть приглашаемъ въ качествѣ третейскаго су-

дьи. Какъ свободные сельскіе обыватели, крестьяне имѣютъ право участвовать въ мѣстномъ управленіи, переходить въ другія сословія, воспитывать дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и поступать на государственную службу по нѣкоторымъ вѣдомствамъ.— Имущественныя права крестьянъ обнимаютъ признанныя какъ за отдѣльными лицами, такъ и за сельскими обществами права владѣть движимыми и недвижимыми имуществами.

Отправной точкой для устройства хозяйственнаго быта крестьянъ послужило опредѣленіе условій о выкупѣ ими отъ помѣщиковъ земельныхъ угодій. 1) Законъ признаетъ за крестьянами право на выкупъ усадебной осѣдлости; выкупъ же полевыхъ земель и другихъ угодій, находящихся въ пользованіи крестьянъ, онъ ставитъ въ зависимость отъ согласія помѣщика. 2) Сознавая, что выкупъ земель самими крестьянами безъ сторонняго содѣйствія невозможенъ, законъ предлагаетъ посредничество государства и 3) устанавливается самый порядокъ выкупа. На усадебную осѣдлость, согласно съ за-

комомъ, крестьяне имѣютъ право личной собственности; на всѣ же другія угодья—право общинной собственности въ великороссійскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ и личной—въ юго-западномъ краѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Поэтому, и порядокъ выкупа усадебной осѣдлости неодинаковъ съ порядкомъ выкупа другихъ угодій: первую могутъ выкупать цѣлыя сельскія общества и отдѣльныя лица, вторую—только общества въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ общинное землевладѣніе. Но, имѣя цѣлью надѣлить крестьянъ землей, законъ не могъ оставить безъ опредѣленія, какія земли должны поступать въ собственность крестьянъ, въ какомъ количествѣ и на какихъ условіяхъ. Предоставить это усмотрѣнію помѣщика, какъ и согласіе на выкупъ, было бы равносильно надѣленію многихъ крестьянъ худшими землями, имѣющими для помѣщиковъ наименьшее значеніе. Законъ требуетъ, чтобы крестьянамъ предоставлялись только удобныя земли, годныя для пашни или сѣнокоса. Пески, болота, овраги, улицы, дороги и т. п. не мо-

гутъ входить въ составъ крестьянскихъ надѣловъ. Изъ угодій въ надѣлы входятъ пашни, сѣнокосы, кустарники и въ немногихъ мѣстностяхъ Имперіи лѣса. Различіе въ свойствахъ почвы разныхъ губерній и уѣздовъ сдѣлало бы несправедливымъ вычисленіе надѣла одинаковыхъ размѣровъ для всѣхъ мѣстностей; а потому, законодатель, при установленіи размѣра, принимаетъ въ разсчетъ и плодородіе почвы, и густоту населенія, и цѣнность земли. Всѣ эти условія повели къ опредѣленію душеваго надѣла отъ minimum'а—2³/₄ десятины—въ Курской, нѣкоторыхъ уѣздахъ Тульской, Рязанской и др. гг. до maximum'а—12 десятинъ—въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской и Астраханской. Обиліе земли въ нашихъ степныхъ мѣстностяхъ дѣлало возможнымъ установленіе одного размѣра надѣла—*указано*. Такъ какъ въ большинствѣ губерній были и малоземельные помѣщики относительно числа крѣпостныхъ, то явилась необходимость установленія высшей и низшей нормы надѣла. Послѣдняя составляетъ ¹/₃ первой. Гдѣ площадь земли, состоявшей въ пользо-

ваніи крестьянъ, превосходитъ высшій размѣръ, тамъ помѣщикъ можетъ отрѣзать излишекъ; гдѣ площадь не достигаетъ низшаго размѣра, тамъ только въ исключительныхъ случаяхъ государство принимаетъ на себя посредничество при выкупѣ. При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ не отмѣривалъ земли, уступаемой въ пользованіе крестьянамъ; было ея много,—и крестьяне пользовались такимъ количествомъ, какое соотвѣтствовало ихъ рабочимъ силамъ. Теперь же, когда помѣщикъ получилъ право отрѣзать излишекъ сверхъ высшей нормы, легко могли бы вкрасться злоупотребленія; а потому законъ опредѣлилъ, какія земли не должны быть отрѣзываемы помѣщикомъ. Прежде всего отрѣзкѣ подлежатъ неунавоженныя пашни, непоемные луга, кустарныя заросли и лѣсныя пространства, удаленныя отъ селенія и лежащія среди помѣщичьихъ земель. Изъ унавоженныхъ полей можетъ быть сдѣлана отрѣзка только въ томъ случаѣ, если, кромѣ ихъ, нечего отрѣзать. Изъ поемныхъ луговъ можетъ быть сдѣлана во всемъ отходящемъ участкѣ от-

рѣзка, соразмѣрная количеству этихъ луговъ во всей площади крестьянской земли. Огороды, капустники, хмѣльники, коноплянники не могутъ быть отрѣзываемы безъ согласія на то крестьянъ. Когда нужно прирѣзывать крестьянамъ землю, то прирѣзка должна быть сдѣлана изъ угодій, смежныхъ съ крестьянской землей, а если это невозможно, то—изъ земель, находящихся не вдалекѣ отъ крестьянскихъ угодій. Эти ограничительныя статьи проливаютъ яркій свѣтъ на духъ освободительнаго закона. Законодатель цѣнитъ трудъ крестьянина; онъ знаетъ, какихъ тяжкихъ усилій стоитъ поселянину удобреніе его полосъ; онъ знаетъ, что всѣ эти гуменники, коноплянники составляютъ самую цѣнную часть имущества крестьянина, что каждый шагъ политъ здѣсь потомъ воздѣлывателя, и онъ запрещаетъ касаться ихъ. Какъ же опредѣлить цѣну выкупаемой земли? Отправной точкой для законодателя является оброкъ, платимый крѣпостными помѣщику. Извѣстная часть этого оброка отъ $1^1/_2$—$3^1/_2$ р. на ревизскую душу въ годъ отчисляется на усадеб-

ную осѣдлость и капитализуется изъ 6%, т. е. оцѣнивается отъ 25 до 55 руб. Такимъ же образомъ оцѣнены и другія земельныя угодья, выкупаемыя крестьянами.

Вотъ общія правила о выкупѣ земель. Въ дѣлѣ выкупа государство предлагаетъ свое посредничество. Правительство взяло на себя обязанность выдавать крестьянамъ для пріобрѣтенія ими земли ссуды, извѣстныя подъ именемъ *выкупныхъ*. Выкупныя ссуды выдаются въ размѣрѣ $^4/_5$ цѣны надѣла, если онъ пріобрѣтается въ полномъ размѣрѣ, и $^3/_4$, если въ размѣрѣ уменьшеномъ; дополнительные платежи должны быть сдѣланы самими крестьянами. Благодаря этому посредничеству, всѣ отношенія крестьянъ къ помѣщику прекращаются со времени утвержденія выкупной сдѣлки. Мѣсто помѣщика заступаетъ государство, какъ заимодавецъ: оно разсрочиваетъ выданную крестьянамъ ссуду на 49 лѣтъ, требуетъ, наравнѣ съ другими государственными платежами, ежегоднаго взноса 6% ссуды, разрѣшая крестьянамъ погасить долгъ и въ менѣе долгое время.

Вотъ начала, положенныя въ основаніе при выкупѣ земель. Но выкупъ поставленъ въ зависимость отъ согласія помѣщика. До полученія согласія крестьяне остаются временно-обязанными и уплачиваютъ помѣщику за пользованіе землею денежный оброкъ или отбываютъ натуральныя повинности. Эти отношенія могли казаться обѣимъ сторонамъ какъ бы продолженіемъ крѣпостнаго права и побуждать одну — своевольно назначать условія пользованія землей, а другую — безропотно подчиняться этимъ условіямъ. Законъ устраняетъ изъ этихъ отношеній произволъ и устанавляетъ строгій порядокъ въ отбываніи повинностей. Всѣ т. наз. *добавочные* сборы птицами, яйцами, масломъ, холстомъ, столь частые при крѣпостномъ правѣ, отмѣняются. Денежный оброкъ опредѣленъ по мѣстностямъ въ размѣрѣ отъ 8—12 рублей за душевой надѣлъ, причемъ высота оброка установляется только на 20 лѣтъ.—Но особенное вниманіе обращаетъ на себя регулированіе барщины. Здѣсь произволъ помѣщика имѣлъ бы случай проявляться наибо-

лѣе часто. Требовать крестьянина на работу въ самое дорогое для послѣдняго время, принуждать къ отбыванію барщины вдалекѣ отъ мѣстожительства, удерживать на работѣ неопредѣленное число часовъ—все это было бы естественнымъ слѣдствіемъ не довольно точныхъ опредѣленій закона. Основное требованіе закона—то, чтобы барщина, бывъ разъ внесена въ уставную грамоту, не была увеличиваема помѣщикомъ. Было недостаточно опредѣлить, что помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ крестьянъ за пользованіе ими его землей такого-то числа рабочихъ дней. Цѣнность рабочаго дня мужчины не равна цѣнности рабочаго дня женщины, а цѣнность работы пѣшаго меньше цѣнности работы коннаго; наконецъ, цѣнность рабочаго дня лѣтомъ значительно превышаетъ его цѣнность зимой. Предоставить добровольному соглашенію сторонъ, когда помѣщикъ можетъ требовать крестьянъ для отбыванія барщины, значило бы дать первому возможность пользоваться трудомъ поселянина исключительно въ то время, которое особенно дорого въ сель-

скохозяйственныхъ работахъ, когда и крестьянскія поля ждутъ пахаря, сѣятеля или жницу. Поэтому, законъ распредѣляетъ все число дней, которые крестьяне обязаны отбывать барщину, равномѣрно на лѣтнее и зимнее полугодія; но равномѣрность въ распредѣленіи идетъ дальше и касается даже недѣль каждаго полугодія. Но законъ недовольствуется этими общими, широкими нормами: онъ не хочетъ, чтобы крестьяне были призываемы на барщину врасплохъ, отрываемы отъ работъ, начатыхъ въ ихъ хозяйствѣ; онъ не хочетъ, чтобы длина рабочаго дня была назначаема произвольно, чтобы отдѣльные виды барщины не соотвѣтствовали полу работающихъ, оказывали вредное вліяніе на здоровье. Эти побужденія заставляютъ законодателя касаться частностей отбыванія барщины. Помѣщикъ обязанъ объявить сельскому старостѣ за цѣлую недѣлю, въ какіе дни и въ какомъ числѣ должны быть къ нему присланы работники и работницы. Въ праздникъ отбываніе барщины запрещается безусловно. Законъ охраняетъ крестьянъ, не находящихся

въ возрастѣ полной рабочей силы: 17 и 55 лѣтъ—вотъ крайніе предѣлы возрастовъ, въ которыхъ крестьяне могутъ быть посылаемы на барщину. Ни больные, ни женщины въ послѣднее время беременности и первыя шесть недѣль послѣ родовъ не принимаютъ участія въ работахъ на помѣщика. Рабочій день ограничивается 12 часами лѣтомъ и 9—зимой. Наконецъ, законъ прямо говоритъ, что работы 1) не должны быть вредны для здоровья, 2) должны быть сообразны съ силами работниковъ и работницъ и 3) съ ихъ поломъ: на женщинъ не должны быть возлагаемы тѣ работы, которыя, по мѣстному обычаю, не свойственны ихъ полу. Но законъ въ дѣлѣ огражденія стороны, болѣе слабой, идетъ еще дальше. Въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, гдѣ населеніе рѣдко, крестьянамъ приходится отбывать барщину вдали отъ ихъ деревень; а потому, если разстояніе превышаетъ шесть верстъ, то на излишекъ полагается опредѣленное время, которое и зачисляется въ счетъ рабочихъ часовъ. Пріостановлена работа по случаю, напр., ненастья, хотя

въ началѣ дня,—день считается отработаннымъ. А за излишнее удержаніе крестьянина на работѣ помѣщикъ подвергается денежной пенѣ. Ночной трудъ на помѣщичьихъ заводахъ и фабрикахъ, отправляемый крѣпостными, также обратилъ на себя вниманіе законодателя и побудилъ его опредѣлить, что 1 часъ ночной работы равняется 2 часамъ денной. Въ этихъ положеніяхъ, кромѣ непосредственнаго значенія ихъ для временно-обязанныхъ крестьянъ при отбываніи барщины, можно видѣть начало столь нужнаго для Россіи законодательства о рабочихъ. Эти положенія являются первой попыткой закона поставить предпринимателямъ систематическія ограниченія при пользованіи наемнымъ трудомъ.

Исполненіе положеній о крестьянахъ возложено на особыхъ органовъ, регулирующихъ отношенія между помѣщиками и крестьянами. Эти органы распадаются на два разряда—административные и финансовые. Административныя учрежденія представляютъ три инстанціи. Мировые посредники, избираемые изъ потомственныхъ дво-

рянъ—землевладѣльцевъ, вѣдаютъ всѣ поземельныя отношенія между помѣщиками и временнообязанными крестьянами и служатъ высшей инстанціей относительно крестьянскаго самоуправленія. Второю инстанціею являются уѣздные мировые съѣзды, состоящіе изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена отъ правительства, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Съѣзды вѣдаютъ разборъ и разрѣшеніе жалобъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ, нѣкоторыя недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами, не предоставленныя окончательному рѣшенію посредниковъ, а также разсмотрѣніе жалобъ на волостные сходы. Наконецъ, высшей инстанціей по устройству быта крестьянъ являются по закону 19 февраля 1861 г. Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, состоящія изъ высшихъ представителей губернской администраціи и выборныхъ членовъ отъ дворянъ. Вѣдѣнію Губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій подлежатъ: жалобы на дѣйствія посредниковъ и съѣздовъ, дѣла по добровольв-

нымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами и нѣкоторыя распорядительныя дѣйствія. Въ 1874 г. въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, обязанности первыхъ двухъ органовъ возложены на Уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и ихъ непремѣнныхъ членовъ. Выкупной операціей завѣдуютъ Губернскія присутствія и Главное выкупное управленіе при Государственномъ банкѣ.

Третій отдѣлъ положеній закона 19 февраля касается сельскаго самоуправленія. Низшими единицами этого самоуправленія являются сельскій сходъ и сельскій староста. Право участія на сельскомъ сходѣ принадлежитъ всѣмъ домохозяевамъ, причемъ крестьяне многотяглые могутъ присылать на сходъ двухъ или болѣе лицъ. Сельскій сходъ вѣдаетъ всѣ дѣла, относящіяся до сельскаго общества: онъ, какъ самостоятельная единица, рѣшаетъ безапелляціонно всѣ дѣла, касающіяся хозяйственной жизни общины: устанавливаетъ порядокъ въ пользованіи мірской землей, въ сложеніи и накладкѣ тяголъ, назначаетъ сосуды изъ сельскихъ за-

пасныхъ магазиновъ и разныя другія вспомоществованія. Онъ вѣдаетъ дѣла, относящіяся до семейственнаго права: назначаетъ опекуновъ, разрѣшаетъ семейные раздѣлы. Наконецъ, сходъ является самостоятельной единицей финансоваго управленія: онъ разверстываетъ между членами не только мірскіе денежные сборы и натуральныя повинности, но и всѣ земскіе и государственные платежи. На сходѣ же лежитъ обязанность распредѣлять между домохозяевами оброкъ и барщину помѣщика. На сельскомъ сходѣ всѣ участники пользуются только однимъ голосомъ. Высшимъ органомъ исполнительной власти въ предѣлахъ сельскихъ обществъ служатъ сельскіе старосты, избираемые сходомъ.—Болѣе крупной единицей въ мірѣ крестьянскаго самоуправленія является волость, обнимающая нѣсколько сельскихъ обществъ, 2—3000 ревизскихъ душъ. Волостное управленіе распредѣляется между: 1) волостнымъ сходомъ, 2) волостнымъ старшиной и правленіемъ и 3) волостнымъ судомъ. Волостной сходъ составляютъ сельскія и волостныя должно-

стныя лица, а также выборные крестьяне по одному отъ 10 домохозяевъ. Волостной сходъ вѣдаетъ всѣ хозяйственныя и административныя дѣла цѣлой волости; онъ принимаетъ мѣры общественнаго призрѣнія, раскладываетъ мірскіе сборы, относящіеся до волости и т. д. Волостной старшина есть полицейскій органъ, подвѣдомственный государственнымъ полицейскимъ установленіямъ, и высшая исполнительная власть въ крестьянскомъ самоуправленіи. По нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся волости, старшина дѣйствуетъ не единолично, а коллегіально, совмѣстно съ сельскими старостами, образующими, вмѣстѣ со старшиной, *волостное правленіе*. Органомъ судебной власти въ крестьянскомъ самоуправленіи служитъ *волостной судъ* изъ судей—крестьянъ, избираемыхъ на волостномъ сходѣ. Разсмотрѣнію волостнаго суда подлежатъ всѣ дѣла, относящіяся только до крестьянъ: гражданскія цѣною до 100 рублей и маловажные проступки, за которые судъ имѣетъ право назначать небольшія наказанія—лишеніе свободы, денежныя пени и до 20 ударовъ

розгами. Всѣ дѣла въ волостныхъ правленіяхъ и судахъ производятся словесно.

Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ тѣ положенія о крестьянахъ, которыя созданы закономъ 19 февраля. Краткость времени не позволяетъ намъ входить въ разсмотрѣніе особыхъ положеній, относящихся до отдѣльныхъ мѣстностей нашего отечества и отдѣльныхъ группъ помѣщичьихъ крестьянъ; краткость времени не дозволяетъ остановиться болѣе подробно на нормахъ, созданныхъ закономъ для устроенія быта сельскихъ обывателей. Посмотримъ, въ чемъ состоитъ особое значеніе этого закона.

Въ послѣднее время въ печати все чаще и чаще слышатся голоса, указывающіе на слабыя стороны Положенія о крестьянахъ. Изо дня въ день накопляется громадный матеріалъ, доказывающій, что законъ 19 февраля не сдѣлалъ поселянъ счастливыми. Говорятъ о недостаточности душеваго надѣла, о его высокой оцѣнкѣ, о несовершенствахъ крестьянскаго самоуправленія, дѣлающихъ органы послѣдняго

послушнымъ орудіемъ администраціи, и многое другое.

Было бы большой натяжкой утверждать, что Положеніе о крестьянахъ есть законодательный актъ, не оставляющій желать ничего лучшаго. И если бы мы начали анализировать его, статью за статьей, то нашли бы много недостатковъ. Мы нашли бы, что размѣръ надѣла не можетъ обезпечить крестьянина даже при медленномъ ростѣ народонаселенія; что выкупные платежи не соотвѣтствуютъ доходности земли; что хотя эти платежи являются формально только платою за землю, однако, извѣстная доля ихъ можетъ быть признана платой за освобожденіе личности крестьянина отъ крѣпостной зависимости. Далѣе, мы нашли бы, что органы, созданные закономъ для упорядоченія отношеній между крестьянами и помѣщиками, будучи представителями одной стороны, выбираемы изъ дворянъ, часто склонны давать закону наиболѣе выгодное для послѣднихъ толкованіе. Наконецъ, несомнѣнно и то, что зависимость органовъ крестьянскаго самоуправленія отъ администраціи

лишаетъ ихъ значительной доли свободы.

Все это правда. Но если вспомнить то противодѣйствіе, которое встрѣтило правительство, работая надъ освобожденіемъ крестьянъ, если вспомнить, какъ сильна была въ нашемъ отечествѣ 20 лѣтъ назадъ административная опека надъ всѣми сторонами жизни, если принять, наконецъ, въ разсчетъ несовершенство всѣхъ дѣяній человѣческихъ, то мы поймемъ, что и освободительный законъ не можетъ быть безупречнымъ. Но было бы несправедливо изъ за частныхъ недостатковъ забывать о духѣ законодательства, о тѣхъ основныхъ чертахъ, которыя и даютъ ему особую, блестящую окраску. А эти основныя черты, свидѣтельствуя о высокой мудрости законодателя, прочно кладутъ краеугольный камень нашего дальнѣйшаго, общественнаго развитія, согласнаго съ интересами большинства. Мы подмѣчаемъ двѣ такихъ главныхъ руководящихъ нити, проникающихъ изслѣдуемое законодательство.

Освобожденіе крестьянъ было дѣломъ, кореннымъ образомъ измѣняв-

шимъ нашъ общественный бытъ. Измѣненія шли такъ далеко въ глубь народной жизни, до такой степени зависѣли отъ произвола законодателя, что онъ могъ дать освобожденнымъ поселянамъ тотъ или иной складъ жизни. Ничто не стѣсняло его навязать быту крестьянъ многіе чуждые ему элементы, внести въ ихъ юридическую и хозяйственную жизнь начала, которыя рѣзко противорѣчатъ правовому міровоззрѣнію нашего поселянина. Не считаясь съ обычаями, сложившимися въ теченіе вѣковъ, освященными временемъ, законодатель могъ бы подвергнуть ломкѣ эти обычаи. Стремясь свести всѣхъ гражданъ къ одному уровню, законодатель могъ бы подчинить крестьянъ въ мірѣ ихъ семейныхъ и имущественныхъ отношеній тѣмъ нормамъ, которыя господствуютъ въ средѣ другихъ сословій. Такая ломка, вызывая долгое время борьбу между привычными формами быта и новыми, вносимыми законодателемъ, повела бы къ сильному потрясенію народной жизни. Тайны этой жизни еще мало изслѣдованы; новыя формы были бы чуж-

ды для нея; она не могла бы примириться съ ними весьма долгое время и страдала бы отъ насилованія.

Законодатель понималъ, какое значеніе имѣютъ въ жизни массы изстари сложившіяся формы; онъ понималъ что эти формы, выростая и закрѣпляясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, не суть что-либо случайное, придуманное, а постепенно выработанное народомъ, выработанное его обстановкой и особенностями его духа; что эти формы, извѣстныя всѣмъ членамъ многочисленной массы, чтимыя всѣми, наиболѣе пригодны для нея; что устраненіе этихъ формъ, равносильное уничтоженію правоваго міросозерцанія, можетъ вызвать только напрасныя неудобства и даже страданія. Отсюда—законъ склоняетъ голову передъ обычаемъ и освящаетъ слѣдованіе ему въ отношеніяхъ, возникающихъ среди крестьянъ. Упорядочивая сельское самоуправленіе, законъ перечисляетъ предметы вѣдѣнія его органовъ, но не обязываетъ ихъ рѣшать въ предѣлахъ ихъ компетенціи такъ, а не иначе. Зная, что письменность не считается крестьянами чѣмъ-либо

необходимымъ для сообщенія авторитета постановленному рѣшенію, законъ съ удареніемъ говоритъ о словесномъ производствѣ въ сельскомъ и волостномъ управленіи. Самой тяжелой мѣрой не только для крестьянъ, но и для всей страны, была бы отмѣна общиннаго землевладѣнія, было бы постановленіе, что крестьяне могутъ выкупать душевые надѣлы только на правѣ частной собственности. Законъ понимаетъ послѣдствія, съ которыми была бы сопряжена такая отмѣна, и освящаетъ общину для всѣхъ мѣстностей, гдѣ она господствуетъ, предоставляетъ крестьянамъ самую широкую свободу въ пользованіи ихъ мірскою землей, не вноситъ въ поземельныя отношенія ничего, что могло бы нарушить сложившіеся обычаи. Возьмите, наконецъ, тѣ стороны жизни поселянина, гдѣ она соприкасается съ интересами государственнаго казначейства: доходы государства слагаются изъ платежей разныхъ наименованій и источниковъ; и крестьяне обложены различными видами налоговъ. Если бы законъ требовалъ по отношенію къ крестьянамъ

строгаго раздѣленія между этими видами, то онъ поколебалъ бы начала разверстанія налоговъ, съ которыми сродился нашъ народъ и которыя считаетъ справедливыми. И здѣсь законъ не коснулся обычая: предоставляя общинѣ разверстывать платежи, онъ охраняетъ ея право пріурочивать ихъ всѣ только къ земельному надѣлу, какъ то издавна вошло въ обычай. Глубокое почтеніе закона передъ обычаемъ— вотъ первая черта, проникающая Положеніе о крестьянахъ.

Другая отличительная черта, тѣсно связанная съ первой, есть стремленіе закона упрочить бытъ крестьянъ посредствомъ надѣленія ихъ землей. „Мы ваши, а земля наша“, говорили крестьяне своимъ помѣщикамъ, выражая въ этихъ словахъ свое міровоззрѣніе. Правительство сдѣлало вторую половину этаго воззрѣнія своей отправной точкой при освобожденіи крестьянъ и рѣшило вопросъ надѣленіемъ землей поселянина. Надѣленіе землей имѣетъ значеніе столь важное, что оно можетъ быть оцѣнено ниже достоинства, но преувеличено быть не можетъ. Разъ

большинство гражданъ состоитъ изъ землевладѣльцевъ, рабочій вопросъ не можетъ заостриться такъ, какъ мы то находимъ въ государствахъ западной Европы. Въ Соединенномъ королевствѣ землей владѣетъ только $^{1}/_{23}$ часть населенія, въ Пруссіи—меньше $^{1}/_{3}$, во Франціи—$^{2}/_{5}$; но въ двухъ послѣднихъ странахъ огромное большинство землевладѣльцевъ имѣетъ лишь ничтожный надѣлъ—усадебное мѣсто. Въ Россіи болѣе $^{4}/_{5}$ населенія владѣютъ землей. Рабочій вопросъ, уже въ силу этихъ условій, не можетъ такъ заостриться у насъ, какъ на Западѣ. Кризисы, которые съ неизмѣнною правильностью колеблятъ промышленность, лишаютъ многочисленныя массы работы и средствъ къ жизни. Эти массы, не имѣя куска земли, принуждены жить на счетъ общественной благотворительности. Непрочность положенія, рискъ потерять работу завтра, которую имѣешь нынче, порождаетъ среди рабочихъ классовъ крайнее недовольство, забастовки, стачки, непріязненное отношеніе къ предпринимателямъ. Тамъ же, гдѣ крестьянинъ владѣетъ землей, кризисъ хо-

тя и поражаетъ многихъ, однако, не лишаетъ ихъ всѣхъ средствъ существованія: они могутъ вернуться въ родную деревню и ожидать благопріятнаго поворота въ промышленной жизни. Но дать землю крестьянамъ было недостаточно. Если бы они выкупали свои надѣлы на правахъ частныхъ собственниковъ, то одно надѣленіе землей не помѣшало бы развитію у насъ, какъ и въ западной Европѣ, многочисленнаго безземельнаго класса. Имѣй крестьянинъ право свободнаго распоряженія своимъ надѣломъ, онъ, при малѣйшихъ невзгодахъ, неурожаяхъ, падежѣ скота пользовался бы этимъ правомъ для отчужденія земли. Нашедши болѣе выгодный источникъ заработковъ, онъ продалъ бы свой надѣлъ и сталъ въ ряды класса, живущаго изо-дня въ день, безъ всякаго прочнаго обезпеченія и безъ возможности когда-либо пріобрѣсти таковое. Процессъ перехода дворянскихъ земель въ руки другихъ сословій совершенно однороденъ съ тѣмъ, какой имѣлъ бы мѣсто и по отношенію къ крестьянскимъ надѣламъ при правѣ частной собственности кре-

стьянъ на землю; но послѣдній, уже по мелкости и малоцѣнности участковъ, совершился бы гораздо быстрѣе. Община не только затрудняетъ этотъ переходъ, но часто дѣлаетъ его невозможнымъ. И невозможность обезземеленія крестьянъ при общинномъ владѣніи не сопряжена съ насиліемъ надъ членами общины: послѣдняя не принуждаетъ своихъ членовъ вести сельское хозяйство; она не препятствуетъ имъ отыскивать болѣе обильные источники доходовъ; она не налагаетъ на нихъ никакого стѣсненія и часто, отпуская работать на сторону, даже освобождаетъ отъ всѣхъ платежныхъ тягостей. Община препятствуетъ обезземеленію крестьянъ тѣмъ болѣе, что законъ требуетъ для перехода отъ общиннаго владѣнія къ участковому $^2/_3$ голосовъ на сельскомъ сходѣ. Хотя эта форма землевладѣнія не распространена въ Россіи повсемѣстно, однако, въ большинствѣ губерній, она господствуетъ исключительно; даже и для мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ установлены условія, ограничивающія чрезмѣрное дроб-

леніе участковъ между наслѣдниками и отчужденіе.

Итакъ, при всѣхъ недостаткахъ Положенія о крестьянахъ, оно завѣщало намъ три крупныхъ неоцѣненныхъ алмаза. Эти алмазы—*надѣленіе крестьянъ землей, община и элементы крестьянскаго самоуправленія.* Эти три драгоцѣнныхъ достоянія должны быть основой дальнѣйшаго улучшенія нашего быта.

Общественная жизнь течетъ непрерывно. Каждый день, каждый часъ возбуждаетъ въ насъ недовольство окружающая обстановка, живѣе и живѣе рисуются намъ идеалы, которымъ мы хотѣли бы дать плоть. Гдѣ нѣтъ недовольства, тамъ нѣтъ идеаловъ, нѣтъ могущественнаго толчка для усовершенствованія человѣка, тамъ поставлена преграда всякому прогрессу. И въ нашемъ отечествѣ подмѣчается эта неудовлетворенность; и наши лучшіе люди стремятся, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать измѣненію общественнаго быта. Чувство неудовлетворенности вызывается разными темными сторонами нашей правовой и хозяйственной жизни, на-

шей культуры въ широкомъ смыслѣ слова. Въ примѣненіи къ быту нашихъ многочисленныхъ сельскихъ массъ недовольство вызывается и сознаніемъ, что земельный надѣлъ не служитъ для крестьянъ достаточнымъ обезпеченіемъ, и тѣмъ, что общинный строй, охраняющій насъ отъ многихъ хозяйственныхъ бѣдствій, признается многими представителями теоріи и практики несовмѣстимымъ съ успѣхами земледѣлія, а слѣдовательно, и съ ростомъ народонаселенія. Насъ смущаетъ, наконецъ, что органы крестьянскаго самоуправленія измѣнили свой обликъ подъ вліяніемъ зависимости ихъ отъ администраціи.

Но къ чести русской общественной мысли нужно сказать, что она стремится отыскать средства, способныя измѣнить къ лучшему положеніе дѣлъ. 16 земствъ въ разныхъ концахъ Россіи поставили на очередь вопросъ о расширеніи крестьянскаго надѣла при содѣйствіи земскихъ банковъ. Эти благородныя предложенія, исходившія отъ незначительнаго числомъ меньшинства, построенныя на широкихъ основані-

яхъ, были приняты большинствомъ не дружелюбно; гдѣ дѣло не ограничивалось однимъ предложеніемъ, гдѣ оно повело къ попыткамъ осуществить созданный планъ, тамъ попытки приняли размѣры, ничтожные до смѣшнаго. Я убѣжденъ, что, при современномъ складѣ земскихъ учрежденій, задача не будетъ рѣшена ими удовлетворительно: побужденія себялюбія просачиваются въ нихъ слишкомъ сильно, большинство заинтересовано не въ расширеніи земельнаго надѣла крестьянъ, а въ его съуженіи. Но эти попытки не безплодны: онѣ служатъ голосомъ, доходящимъ до самодержавной власти, голосомъ объ истинныхъ нуждахъ народа. И только оттуда, съ высоты престола, оттуда, гдѣ нѣтъ мѣста для борьбы партій, гдѣ личный интересъ молчитъ, только оттуда можемъ мы ждать продолженія въ широкихъ размѣрахъ дѣла, начатаго 20 лѣтъ тому назадъ. Насъ еще больше поддерживаютъ въ этомъ убѣжденіи неоднократно высказанныя въ печати намѣренія правительства изучить выработанныя отдѣльными земствами мѣропріятія для расши-

ренія земельныхъ надѣловъ крестьянъ. Съ другой стороны, и сомнѣнія многихъ въ пригодности общиннаго землевладѣнія для болѣе высокой сельскохозяйственной культуры могутъ быть теперь поколеблены. Тщательныя мѣстныя наблюденія доказали, что поземельная община предпринимаетъ иногда крупныя улучшенія своихъ угодій, а теоретическія изслѣдованія привели къ заключенію, что въ существѣ общиннаго строя нѣтъ такихъ особенностей, которыя могли бы служить неодолимыми преградами для успѣховъ сельскаго хозяйства. Наконецъ, недостатки крестьянскаго самоуправленія подвергаются многосторонней критикѣ и ведутъ къ созданію плановъ, осуществленіе которыхъ способно устранить изъ сельскаго и волостнаго самоуправленія чуждые элементы и построить все наше самоуправленіе на основаніяхъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ интересамъ цѣлой страны.

Русская мысль работаетъ надъ рѣшеніемъ общественныхъ задачъ. Этой работѣ препятствуютъ и тѣ узкіе умы, которые безъ яснаго пониманія дѣла,

безъ твердо опредѣленныхъ цѣлей, требуютъ какого-то возвращенія къ старинѣ, не указывая, что дастъ намъ эта старина лучшаго взамѣнъ основныхъ чертъ современнаго быта. Этой работѣ мѣшаютъ и тѣ, чьи личные интересы противятся всякому начинанію, направленному къ достиженію общаго блага. Но Положеніе 19 февраля не препятствуетъ, а, напротивъ, содѣйствуетъ этой работѣ. Въ немъ русская мысль находитъ себѣ прочные устои. Опираясь на нихъ, она хочетъ дальнѣйшаго и еще болѣе широкаго развитія началъ, созданныхъ освободительнымъ закономъ.

Я спрашиваю въ заключеніе, было ли бы Положеніе о крестьянахъ таково, какъ оно есть, если бы источникомъ его послужила не самодержавная власть, а конституціонное государство или республика того склада, который мы находимъ въ большинствѣ странъ западной Европы? Я отвѣчаю на это рѣшительнымъ „нѣтъ“. При всякой формѣ правленія, гдѣ интересы многочисленныхъ массъ не были бы могущественно представлены,—а извѣстно,

какъ они представлены въ большинствѣ государствъ западной Европы— законъ высказался бы противъ надѣленія крестьянъ землей и противъ охраненія поземельной общины.

То великое, то истинно благое для родины, что заключаетъ въ себѣ Положеніе, могло быть всего скорѣе произведеніемъ мудраго, благородномыслящаго и твердаго волей самодержавнаго монарха.

Андрей Исаевъ.